

Родное слово поддерживало дух

Таинственная история сборника «Преодоление рабства» сама по себе повод для размышлений и домыслов. В годы войны среди нацистов находились те, кто сохранял человечность и видел в советских людях не врагов, а терпящих бедствие безвинных заложников, жертв войны. В 1996 г. мне показали серию рисунков немецкого художника-солдата Бертельсмана. Под Ленинградом, в Тайцах, он рисовал жителей этого поселка. Его портреты, написанные в 1941–1942 гг., полны симпатии к этим девушкам, крестьянам, крестьянкам. Их лица — красивые, добрые, мужественные, это не низшая раса; он открывает для себя в России народ, достойный уважения. Нам удалось организовать выставку его рисунков в Тайцах, в Гатчине, и потомки тех, кого он рисовал, тоже сделали открытие: оказывается, не все немецкие солдаты были гитлеровцы, были среди них и человечные, с незамутненным взглядом, с душой, готовой к сочувствию, пониманию.

Наверное, то же чувство двигало безвестным цензором, что исподволь выписывал цитаты из бесчисленного потока писем остарбайтеров.

Собрание выписок — ценное приобретение фольклористики. Об этом подробно и хорошо рассказано во вступительной статье известного ученого Кирилла Чистова.

Мне же, как читателю, книга эта рассказала совершенно по-иному, чем вся литература, о фашистских лагерях, о жизни в плену, о бедствиях наших пленных и угнанных на работы в Германию. В ней нет ничего о том, что там творилось. Я обнаружил здесь самые сокровенные, обычно скрытые от окружающих переживания, тихие печали, тоску, отчаяние одиночества покинутых сердец. О том, как робко умирают любовь и надежда. И все это не впрямую, а через простодушные словесные штампы того времени, песенки, альбомные «стишки», «стишата».

Когда-то они бытовали как пошлые штампы, знаки любовных признаний, от которых давно осталась рифмованная пустышка, фальшивая стекляшка. Но тут, в письмах из немецких лагерей, эти признания читаются иначе. Унизитель-

ные условия плена, по сути каторги, превращали чужие слова в собственные, в них стонет личное несчастье, подлинная судьба. Сквозь альбомную игру, игривость вдруг прорывается вопль — не забудь, я была, я еще есть, сохрани память обо мне, о нашей любви!

Пишу тебе рукой дрожащей,
Чтоб через много скучных лет
От жизни краткой и мятежной
Какой-нибудь остался след.

Цитаты меняют свой облик, искажаются страданием одиночества на чужбине. Хочется сохранить через кого-то связь с родиной, с отнятой свободой.

Слабый свет надежды порождает ощущение брэнности жизни.

Они однообразны, эти песни, надписи, стихи, но своим повтором, массой усиливают впечатление.

Подневольный труд, бесправие, животная, голодная жизнь, издевательства надсмотрщиков, ощущение беспомощности — все в существовании остарбайтеров должно было превращать их в бессловесных рабов. И все же они оставались людьми, может, страдания даже возвысили их чувства, их любовь, воспоминания. Человечность не умирала. Стремление к свободе жгло; родное слово — русское, украинское, польское — поддерживало дух. Через десятилетия безыскусное слово это все же дошло до нас:

Если жить нам вместе не придется,
Если судьба уж так жестока,
То пускай на память остается
Неподвижная личность моя.

(Надпись на фотографии)

Поразительно, как эта «неподвижная личность» проби-лась к нам, сколько совместных усилий немецких и российских ученых понадобилось и как соединились в этой книге надежды — те, что сбылись, и те, что не сбылись. Станный, трогательный памятник безвестным авторам и памятник живучести народного слова.

Даниил Гранин